

СТАРЫЙ МАГНИТОФОН

КЛАРА РУТТ

12+

Клара Рутт

Старый магнитофон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63676443

SelfPub; 2021

Аннотация

Переписать прошлое – возможно! Изменить одну деталь, чтобы не жалеть в настоящем – миссия секретной организации "Перепишем историю вместе". Мир меняется слишком быстро, чтобы размышлять о причинах, и тем более, когда у тебя есть личный интерес вернуться в 2020-ый, нечего и думать. Иван решается первым испытать возможности лаборатории. Он отправляется в путь, но все ли так просто, как кажется на первый взгляд?

Клара Рутт

Старый магнитофон

На моем месте вы поступили бы так же. Я не мог, дойдя до финала, зачеркнуть пройденное и просто уйти. У меня не было права развернуться у самой финишной прямой. В конце концов, я дошел. Вот только кто мне даст приз за победу?

Все началось в 2020-ом: ну, знаете, там... коронавирус, дистанционка, маски. Да что я говорю, это ж очевидно! Благо, что хотя бы в офисе мы не в скафандрах. А могли бы, кстати! Как в центральной части страны – там даже в помещениях небезопасно. Но раньше было проще.

Когда в 2021-м после утечки информации о заражении началась паника, я понял: в своей студии звукозаписи долго не протяну. И вступил в “ПИВ-КО”. Можете ухмыляться, но именно “ПИВ-КО” вернуло мне рвение к жизни. “Перепишем Историю Вместе – Коммерческая Организация”. Такое себе название, конечно. Но ребята толковые. Я их поддерживал.

Сергея тогда еще совсем зеленым был, но размахом идей доставал до неба:

– Да ладно, Ванюха, это же очевидно! – он раскуривал сигары в кабинете, но как только я заходил, принимался за вы-

сокие фразы. Стол у него вечно был завален бумажками – исписанными вдоль и поперек: так создавались новые идеи.

– Тебе ли не знать, шарманщик? – он хохотнул. – Это как пленку переписать. Берешь кассету, перематываешь, а поверх новенькое пишешь. Проще простого!

– При чем тут шарманщик? – я буркнул. Ну, конечно, моя звукозапись для историков и ученых казалась сущей ерундой. А мне нравилось. Раньше. – Ты бы еще пластинки с граммофонами вспомнил.

– Ну, начало-ось, – он с наслаждением выпустил дым, я поморщился, – не об этом речь! Я о сути, уловил? Спроси у Игорька, он поумничать любит, вот и тебе скажет: история циклична. Ну, войны там, кризисы... все повторяется. Да что далеко ходить? В окно смотрел?

Я не смотрел, но слышал хорошо. Стрельба началась прямо под нами. Благо, двадцать седьмой этаж несколько спасал от шальной пули, но шуму было предостаточно.

Как раз с тех пор и вошли в моду скафандры: маски стали прошлогодней коллекцией, и мировые бренды быстренько подсуетились над новой тенденцией.

Короче говоря, дышать стало небезопасно, люди расселись по домам и облачились в скафандры. Газеты и Интернет писали о смертельной опасности нахождения вне стен зданий (а кое-где даже внутри), улицы опустели вовсе, кто мог – скупил себе одинокие виллы и леса. Пробки на дорогах исчезли. Затем – сами дороги. “Мерседес” стал выпуск-

кать вездеходы. Остальные автомарки либо закрылись, либо переключились на более приземленные нужды: те же скафандры, обеззараживающую воду (в том числе, для приема внутрь!). Впрочем, некоторые не отступили от прежних идей и теперь производили стальных коней в буквальном смысле. И золотые колесницы для известных особ. Но это было скорее исключением: асфальт оставался только у значимых и исторических зданий. А на остальных местах те же колесницы либо застревали, либо утопали в вязкой почве чуть ли не полностью.

Постепенно стали открываться заводы якобы по выработке чистого воздуха. Что они на самом деле вырабатывали, нас особо не интересовало. Мы горели идеей создания лаборатории “перезаписи”.

В мои обязанности входило что-то вроде “принеси-подай” или “а ну-ка, спой-ка нам, шарманщик!”. Поначалу обижался, а после привык. В конце концов, перемотать назад хотели все. И я в том числе. Мне позарез нужно было вернуться в 2020-ый.

Однажды Серега появился до неприличия радостный.

– Новая идея? – спросил я с порога и протянул ему кофе. Знал, что не откажется, но нет – его восторгу сегодня подпитка была не нужна:

– Лучше! – он вышел в центр офиса и окинул всех взглядом. Народ поподнимал головы из-за мониторов. – Как вы знаете, мы искали место для строительства лаборатории, но

в черте города у нас нет шансов. А куда-то дальше переместиться возможности и вовсе нет. Но сегодня проблема решилась. Мне удалось договориться с нашими партнерами, и теперь у нас есть свой вездеход!

– Не может быть!

– Браво!

– Сергей Мирославович, вы гений!

Народ повскакивал с мест и принялся аплодировать нашему непревзойденному боссу. Я закатил глаза. Ну, конечно, вездеход – прекрасно. Но как-то слишком медленно мы двигались к намеченной цели.

Пока коллеги ринулись к окну высматривать одиноко стоящий агрегат на пустынной парковке, Серега позвал меня:

– Есть разговор.

Поразмыслив, о чем он хочет говорить и, на всякий захватив с собой кофе, я прошмыгнул за ним.

Серега кинул портфель прямо поверх кипы бумажек, уже наверное с месяц копившейся у него на столе, и рухнул в кресло. За дверью до сих пор доносились возбужденные голоса коллег: все-таки позволить себе вездеход мог далеко не каждый. А наш босс – самый умный босс на свете!

Я потоптался у входа, не разделяя особой радости, и, поймав на себе удивленный взгляд, устроился напротив.

– Кофе? – спросил по привычке, но Серега проигнорировал вопрос:

– Вчера мы с проектным отделом устранили последние

технические неточности, и сегодня Игорь подтвердил, что цикличность событий в мире остается неизменной. Мы сможем этим воспользоваться и переписать прошлое. Каждый свое прошлое.

– А дальше?

– А дальше... возможно, мы и не увидимся, – он усмехнулся. – Но, если честно, я уже не хочу никуда возвращаться. В этом времени я добился всего, о чем и не мечтал. Буду завоевывать рынки.

Сергея откинулся в кресле и мечтательно закатил глаза, потянулся за сигарой.

– Хорошо, а... остальные? Если все вернутся каждый в свое время, то ты останешься один. В чем твоя выгода? – вдруг я понял, что если идея превращается в бизнес, то это уже не идея, а коммерция. И Сергей подтвердил:

– Зришь в корень, шарманщик, – он подмигнул и порылся в портфеле. Извлек оттуда нехилую такую кипу цветных бумажек. – Это – твоя новая задача. Будешь промоутером новой реальности.

– Я что, должен раздавать листовки? А кричалку не придумать? – я вспыхнул. Даже в студенчестве я таким не занимался.

– Если бы все было так просто, я бы поручил это ребенку, – Сергей остался невозмутим. – О нас мало кто знает, благо предыдущие этажи здесь почти пустые! И мы должны продолжать сохранять незаметность. Пока что. Поэтому

будь тише воды, ниже травы.

Я молчал. Серега, конечно, босс и, в принципе, неплохой парень, но иногда что-нибудь вычудит – хоть стой, хоть падай! А сегодня он превзошел сам себя.

– Нам нужна свежая кровь. В ближайшие дни добрая часть наших старичков выдвинется на место строительства лаборатории. Им нужна будет подмога. Да и здесь новые умы не помешают. Мы уже составили списки.

– Что? Списки? – я так и поперхнулся. – Я думал, сначала звонок, собеседование, вступительный тест на профпригодность, и потом уже, может быть, списки...

– Сейчас не то время, Ванек, да и мы себя не афишируем, все-таки профиль у нас немного нестандартный. Ну да ладно, – Серега усмехнулся. – Мы промониторили рынок труда и уже нашли тех, кому это может оказаться интересно. Вот их адреса, – он подал мне папку. – Твоя задача просто бросить эти листовки в почтовый ящик. Они сами к нам придут, вот увидишь.

– Что это за люди? – я покосился на папку, но открывать не стал. Все-таки я не совсем верил в чудеса новых технологий. Зато Серега знал все наперед.

– Разные. В основном, исследователи, лаборанты – те, кто хоть как-то связан с наукой. Но есть и простые рабочие, строители. Да много кто. Не грузись.

Он отвернулся и посмотрел как-то отстраненно. Я открыл, наконец, папку. Ничего особенного: таблица из трех столб-

цов: ФИО, адрес, специализация. Кто-то и вправду был ученым, кто-то грузчиком, а кто-то и вовсе работал в буфете. Но это раньше. Сейчас, вероятно, эти люди остались без работы. А может быть, и без чего-то большего. Как я.

– Хорошо. Я возьмусь за это прямо сейчас.

* * *

Мерзкий снег валил не переставая. Старый двор на Уралмаше занесло нехило. Ржавая качель подо мной кренилась. В наушниках уже четвертый раз крутилась “Любимка”, в свое время жутко бесила. Но с тех пор так ничего годного и не выпустили, приходилось слушать “самое новье” – хиты далекого 2020-го.

Мне было плевать – лишь бы хоть что-то заглушало эту холодящую тишину. Если бы еще хоть один фонарь освещал мрачный двор, цены бы этому дню не было. Но окна трех домов, что возвышались над детской площадкой, почти не горели. Мало кто жил на окраинах. Все старались перебраться ближе к центру – места хватало каждому даже с трехкратным соблюдением дистанции.

Работа по раздаче листовок продвигалась медленно. Как назло, все кандидаты рассредоточились по разным районам – ерунда в былое время! А теперь ни тебе такси, ни электричек, ни трамваев. Приходилось двигаться на своих двоих.

Да, многие компании закрылись, многие люди остались без работы, а те единицы, что оставались трудоустроены, пе-

ремещались не далее, чем на один квартал от дома. Так безопаснее, так надежнее, так нет права выбора.

Сергея считал, что скоро народ не выдержит, и пойдет новая волна восстаний: все-таки ты не виноват, что в квартале от тебя находится обувная мастерская, а ты в душе строитель небоскребов. Стройка идет на другом конце города, но извини – так безопаснее. Зато останешься жив.

На прошлом корпоративе, изрядно перебрав пивка, высокие умы “ПИВ-КО” вещали, что правительство готовит целый законопроект “о безопасном местоположении трудящихся”. Мы еще тогда дружно посмеялись, мол, нас это уж точно не коснется – мы днями и ночами напролет пропадали в офисе. Но это был наш выбор. За идею.

– Пау-пау! – я так и подскочил на месте. Подумал уже, что песня ожила. Однако последовало продолжение. – Ложись! Ты умер!

Я стянул наушники и осмотрелся. Двор так же и оставался пустым, но среди снежной баррикады, развеваясь под порывом зимнего ветра, в воздух взмыли две косички. Только детей мне под вечер не хватало. Я поднялся с качели и повернулся к девчужке:

– Маленьким девочкам нельзя гулять так поздно! Уже темно.

– Я так не играю! Ложись! Я в тебя стреляла...

Она нырнула за баррикаду, и я замер. Станный холодок пошел по спине, словно со мной поздоровался призрак про-

шлого. Даже в 2020-м дети уже играли в стрелялки на телефоне. А сейчас тем более встретить ребенка на улице было практически нереально.

– Эй! Где твой скафандр? – почему-то это вырвалось само. Ну не спрашивать же, где ее родители, хотя...

– Где твои родители? – я, на всякий случай, обернулся, но никого, кроме нас, во дворе не появилось.

– Я потеряла своего папу и решила поиграть, – девочка осторожно показалась из-за баррикады. Она была одета в обычный детский полушубок и вязаную шапку, что мне на миг показалось, будто я уже вернулся в 2020-ый, а, может быть и вовсе еще раньше. – Мы с ним постоянно играли.

– А где ты видела его в последний раз?

– Не знаю, может... там? – она указала куда-то между домов. Туда, где когда-то пролегалa дорога.

Я даже приподнял стекло скафандра, чтобы глянуть, но ничего не изменилось – бывшая дорога была по-прежнему окутана снегом. И по-прежнему пустовала. И как можно потеряться в пустом городе? Теперь даже понятия “час-пик” не существовало, а в вечернее время и подавно. Ну, хорошо, пойдем другим путем.

– Где ты живешь? Давай, я отведу тебя до дому?

– Не-ет, – она заулыбалась. – Вот – мой дом, – она указала за спину. Один кандидат из моего списка жил здесь. И уже третий день я не мог до него достучаться. – Сто тридцать девятая квартира.

И тут до меня дошло:

– Григорий Зорин? Ведущий инженер ГРЭС? Он – твой отец? Я ищу его, можешь передать ему это? – на радостях я протараторил и протянул девчужке листовку. – Он вообще бывает дома?

Я полез за ручкой обвести кружком очередную фамилию, но ответа не последовало. Лишь подняв голову, я вновь обнаружил пустой двор. Листовка уже кружила хоровод с разыгравшейся метелью.

– Эй? Девочка? – я вновь огляделся по сторонам. Никого. Только еще темнее стало от неприветливых окон. – Странно...

Я поднял листовку с земли и спрятал обратно в карман. Если общественность еще не готова принять нашу организацию, лучше не оставлять таких явных следов. Но жирную точку напротив фамилии “Зорин” все же поставил. Либо Серега ошибся, либо инженер уже давно сменил место жительства. Хотя меня это никак не должно волновать. Эти дурацкие листовки приближают меня к новому изобретению, и я готов ради этого терпеть что угодно. Что ж, приду завтра после работы.

Я убрал папку в наплечную сумку и глубоко вздохнул. Снег по-прежнему кружил в морозном воздухе, но теперь он показался до боли родным, что ли... теплым. И я хотел касаться его.

Но в горле запершило, и я опустил стекло скафандра. Все-

таки предписания – есть предписания. В воздухе инфекция, и неизвестно, будет ли она для меня опасна. Это такой смертельный рандом, русская рулетка – повезет-не повезет. Однажды я уже поплатился за свою оплошность самым дорогим, и теперь у меня нет права на проигрыш.

Я поплелся в сторону дома, и налипший снег снова стал меня раздражать.

* * *

Люди и вправду стали приходить к нам. Я любезно встречал их, принимал одежду, предлагал чай. И они все соглашались. Серега в очередной раз оказался прав! Эти люди нуждались в нас, и даже были готовы хранить молчание о конторе, ее целях, месте расположения. И о своей жизни, в том числе.

Уже три группы ученых, строителей и инженеров переместились в место Икс, работа на объекте Игрек кипела, я с нетерпением ждал своей очереди. Но Зорин так и не объявлялся. Для галочки, что называется, я караулил его у дома каждый вечер. Даже строгий босс отпускал пораньше ради этого – видимо, Григорий был настоящим специалистом в своей отрасли. Но мои старания по-прежнему не приносили результатов: темные окна, закрытые двери, пустой двор встречали меня вместо людей. Впрочем, той девочки я больше не видел тоже.

Вся моя жизнь постепенно свелась к бессмысленному

ожиданию новостей с объекта. Что происходило по ту сторону офиса меня не волновало вовсе. Серега говорил, что все идет по плану, великие умы “ПИВ-КО” просчитали все до мелочей и оказались правы даже в своих предсказаниях. Новые разрушения за право выбора не заставили себя долго ждать. Народ повывлазил из домов с требованием вернуть дороги...

– Цикличность, – вздыхал Игорек и вновь погружался в монитор своего компьютера, – страшная штука. История на том и строится. Жизнь на этом строится, – при этом он поднимал указательный палец вверх, снимал очки, протирал красные глаза и продолжал неторопливо. – Мы взяли это за основу нашей лаборатории. Всегда можно найти подобное в прошлом, всегда можно слегка подкорректировать сделанное в новом цикле. Но время, как мы видим, настаивает на обратном.

– Серега что-то говорил про перезапись, – однажды я подсел к нему и решил выведать его мнение, пока Игорек разговаривался. – Что мы можем отмотать все назад и... наложить новую дорожку. Так как-то.

– Тебе видней, конечно. Ты же у нас... шарманщик, – он снисходительно хмыкнул. – Но даже мне известно, что пленка может затереться. Ты смотри, не переусердствуй там. А то зажует.

– Так я... всего разок же, – я только и смог развести руками.

– А ты уверен, что это будет твоя первая “перезапись”?

Он снова уставился в компьютер, и я вернулся к себе. Как я могу это проверить? Если из века в век ничего не меняется, кроме внешнего антуража, но наверняка не мы одни такие умники, Америку открываем. Все повторяется...

– Иван! – громкоголосый босс вернул меня в реальность. – Хорошая новость!

– А? – я подскочил. – Инженер нашелся?

– А? – он передразнил и, кажется, даже задумался, но тут же спохватился. – А-а! Да нет! Лучше! Идем.

Весело посвистывая, Серега плюхнулся в кресло и поднял крышку ноутбука:

– Ну-ка, глянь-ка. Что скажешь? М-м?

От его веселья мне стало как-то не по себе, и я не спешил подходить, но Серега лишь расхохотался:

– Да ладно? Трусишь? Не дрейфь, тебе понравится.

Он подмигнул, и я даже растерялся: неужели правда? Неужели не розыгрыш? И пока шел к его столу, не мог поверить, что сегодня – тот самый день. Но, глянув на экран, лишь рассеянно почесал затылок: он что, издевается? Знает ведь, гад, что я только и делаю, что жду, пока откроют лабораторию. А это – что?

– Ну, как? Нравится? – он расплылся в блаженной улыбке. – Вот оно – мое детище. Сегодня ночью были закончены последние штрихи. Как долго я к этому шел... кто бы мог подумать! И вот оно, вот! Мы сделали это сами, Ванек. Своими

руками! Мы сможем вернуться и изменить прошлое, сможем переписать, как старую кассету...

Он проговорил это с таким чувством, что я даже немного испугался: либо я дурак, либо Серега окончательно свихнулся на своей работе, но, по крайней мере, разыграшем здесь и не пахло. Нахмурившись, я вновь глянул в монитор.

Серая стена, пустая и практически прозрачная походила на стену больничного коридора, только слишком длинная – во весь экран. Я видел дату и время, а также номер камеры, которая транслировала изображение на Серегин комп – запись шла в реальном времени. Но, черт возьми, что это такое?? Где главная установка? Или что там сейчас вместо них? Каким образом происходит возврат?

– Что это такое, Серег? Где сама лаборатория? Где твои специалисты?

– Ясное дело, они за стеной. И они уже ждут тебя, – он вытянулся на стуле и повернулся ко мне. – Ты выдвигаешься завтра. Я дам тебе карту, адрес и вездеход. С тобой поехать не могу, прости. Но мы с тобой еще увидимся.

– Как я попаду внутрь? Здесь даже двери нет. И окон...

– Они и не нужны. Тебе нужно только коснуться.

Я вновь глянул на компьютер. Ни одного человека в округе, ни одного дерева, ни одной постройки: только мерцающая стена, названная секретной лабораторией. Высокие технологии, е-мое! Но не слишком ли волшебная сказочка?

– Ты уверен, что это она? Кто-то уже смог вернуться? – я

спросил серьезно. – Какие у меня гарантии?

– Никто не даст тебе гарантии, Иван! – Серега поднялся. Оказалось, что он выше меня на полторы головы. И как я раньше не замечал? – Это лишь шанс, которого мы все ждали. И решение за тобой: воспользоваться им или корить себя до конца жизни за трусость!

– Ты прав, – неожиданно для себя я согласился и отошел. Я вообще хотел поскорей уйти отсюда. – Я готов. Где руководитель?

– Возьми на ресепшене. Мы напечатали по экземпляру для каждого, так что распишешься за получение в ведомости.

Я кивнул молча и направился к двери. Говорить ничего не хотелось. Завтра, если верить Сереге, все должно было измениться. Но у самого выхода босс окликнул меня:

– Ваня, – я выдохнул и замер. Где-то в висках заиграл тяжелый рок, – когда увидишь Олю, передай ей привет.

Я толкнул дверь и вылетел из офиса.

* * *

Козел! Все-таки этот Серега – та еще сволочь! “Передай ей привет”, черт возьми! Да, конечно, Сережечка, уже бегу. Где ты был, когда она умирала, ублюдок? Где была твоя помощь? Хоть раз ты пришел ко мне? Хоть раз я услышал от тебя доброе слово? Так какой, к черту, “привет”??

Я захлопнул входную дверь и сполз спиной на пол. Ноги

сами принесли меня домой, хоть я и старался не приходить сюда с самого дня ее смерти. Ночевать на работе – почему бы и нет? Напиться у Сереги до потери сознания – отлично! Или караулить Зорина до утра у подъезда – самое то, когда ноги в один день забыли дорогу до дома. А сегодня что-то изменилось.

– Скоро мы вернемся сюда, – я прошептал и осторожно прошел в гостиную.

Ничего не изменилось с тех пор, когда мы были вместе. Когда мы жили. В квартире всегда играли новые краски, пахло едой и ее духами, звучала музыка из колонок старого магнитофона. И он попрежнему был здесь. Насмехался.

Я явно не угадал со временем. Записывал новомодную музыку, в то время как жена слушала блюз на старых кассетах. Она не хотела взрослеть, 2020-й стал для нее слишком современным. И он ее погубил.

Конечно, пришел ковид, и все случилось из-за него, многие знакомые потеряли своих близких в тот год, но Оля не могла умереть. Она слишком хотела жить, чтобы в один миг оказаться мертвой. Впрочем, она еще боролась, но против системы не попрешь. Кто-то хотел ее смерти, я сейчас как никогда ясно осознавал это. Как и смерти тысяч и миллионов других людей.

Но все же они счастливы, что не застали это время: скафандры, разрушенные дороги, отсутствие воздуха и права выбора – наследие далекого 2020-го.

Наша квартира тоже жила в том году. Даже календарь замер на августе. А я не мог смириться. И не мог видеть ровно составленную посуду в буфете, покрытом приличным слоем пыли, книжную полку и коллекцию кассет, принтер, зажевавший бумагу и до сих мигающий красным, наши свадебные фигурки, нашу пустую детскую...

Ковид лишил нас ребенка, меня вдобавок – лишил жены и работы. Вмиг я стал нищим и одиноким, впал в депрессию, затем – в затянувшийся запой, и на горизонте не предвиделось изменений. Пока Серега не создал свое “ПИВ-КО”.

Возможно, его загрызла совесть, возможно, он и сам был не против переписать прошлое, но во всяком случае, недостатком идей он не страдал. И он был сильнее меня.

Прежде уютная квартира душила пустотой, воздух давил на плечи и сжимал легкие, здесь я задыхался сильнее прежнего. Но я знал, что заставит меня дышать. В тысячный раз я нажал на “play”.

И Оля заговорила со мной из динамиков старого магнитофона.

* * *

Петрович явно был не в духе. И кто его покусал? Но мне сегодня, как никогда раньше, нужно было попасть на работу.

– Петрович, ты чего? Сдурел? Перепил вчера? – я уже полчаса махал перед его носом паспортом. – Это ж я, Иван Бруссов из офиса 27/09. Не узнал? Офис “ПИВ-КО”, ну?

– Никаких Иванов я не знаю! Бизнес-центр закрыт, веле-но никого не пускать, – Петрович шевельнул седыми усами и уставился в монитор. – Шуруй давай, Иван. Вон, митинг сегодня.

– Не-не, Петрович, никаких митингов. Наша компания не участвует в подобном. Мне на работу надо. Босс волноваться будет.

– Из боссов сегодня не приходил никто. И что это там у вас за “ПИВ-КО”, мне неизвестно. Здесь, на территории БЦ, вообще любой алкоголь запрещен.

– Ой ли? – я хитро подмигнул. Ситуация стала меня забавлять. Ну, точно, цену себе набивает. – А если так?

Я поставил перед ним бутылку водки. Сейчас вообще редко где можно было раздобыть алкоголь, но я знал места, где взять покрепче, а Петрович знал, к кому обратиться.

Однако, на этот раз система дала сбой:

– А ну-ка, убрал! Что это такое? Кто дал разрешение? А если увидят? Время только отнимаешь! Тебя что, силой вы-проводить? – Петрович поднялся и схватился за метлу:

– Выметайся давай!

Я не отреагировал. Что-то здесь не вязалось. Если это Се-рега так шутит, то это явно неудачная шутка. Да и для чего? Не для того ли, чтобы я отказался ехать? И не потому ли, что стена эта вчерашняя – полный бред?

– Ну конечно, – я ударил себя по лбу. – Нет никакой ла-боратории. Непонятную стену на другом конце карты мож-

но выдать за что угодно. Может, там фабрика какая-нибудь кондитерская? Или публичный дом?

Вот оно как значит, да? Интересно...

– А на парковку пустишь? – вдруг я сказал громко, и по округе разлетелось эхо. – Там это, вездеход мой остался.

– Не пущу! Здесь вездеходы не ездят, не прошла твоя уловка, плут, – Петрович замахнулся метлой, и я побежал. Не знаю куда, лишь бы подальше от позора. Что ж, хорошо все Серега обставил, молодец! Но если избавиться от меня захотел, то мог бы просто уволить.

Я выбежал с парковки, насколько конечно, мог двигаться в неудобном скафандре, и, убедившись, что Петрович не покинул свой пост, сбавил темп и огляделся. Обычная улица, пусто. Людей почти нет, издали слышатся голоса в громкоговорителе: значит, все-таки правда, сегодня митинг. Но не факт, что он принесет результат.

Мимо проехал полицейский вездеход: странно, даже не попросили предоставить документы. Видимо, все же митинг интересовал стражей порядка куда больше, чем одинокий прохожий. Но, если честно, сегодня я был бы непротив за восстановление асфальта. Мне предстоял неблизкий путь, а на своих двоих добираться до чертова куличика хрен знает сколько.

Да-да, я все-таки хотел достичь этого неизведанного места: терять мне точно нечего. Даже если там кондитерская фабрика, что ж – возможно пора менять квалификацию, а

если бордель – по крайней мере, повеселиться тоже иногда полезно.

На карте, которую я предусмотрительно схватил вчера с ресепшена, красовалась одинокая точка. И если верить масштабу, от меня до нее было километров сто. Не более часа на машине, в былые времена. А сейчас?

Не, можно было, конечно, устроить поход – с рюкзаком, палаткой, костерком в пути... романтика! Но я хотел оказаться там сегодня же! Хватит с меня терпеть. Я слишком давно не видел мою Олю.

Навигатор в телефоне выдал ошибку: мол, таких координат он не знает. Ну да, конечно, гугл-карты устарели, а все обновления проходили в рамках одного города. А может, и вовсе в пределах одного района. Так что добираться до “лаборатории” мне предстояло практически наощупь. Плевать. Я все равно узнаю, что там творится.

К обеду я дошел до окраины города: как раз туда, где стройным рядом красовались заброшенные авто-центры. Ха, в былое время я бы постеснялся даже глянуть в сторону одного из них, а теперь я напрямик направился к “Мерседесу”. Не все производители были готовы избавляться от настоящих произведений искусства, автомобили вывозили за город, на склад заброшенных машин.

А у меня был вип-проход. Оля работала в одном из центров, и информация об общей свалке ни капли не была секретной. Чем я и воспользовался.

Ну да, спустя время, автомобили уже не блестили, как намазанные маслом, но, черт возьми, это же “мерседесы”! И... никакой охраны.

На окраины города никто не совался: все стремились перебраться ближе к центру, что уж говорить о заброшенных складах? Уверен, в отдаленных краях при желании можно было найти настоящие жемчужины прошлого – все то, что сейчас относилось к мусору: автомобили, заправки вместе с ними, ювелирные магазины, бутики с брендовой одеждой (не скафандры, естественно), возможно даже асфальт и... чистый воздух.

Но в тот момент я еще не знал, насколько был прав в своих смелых мечтах.

– Ну что, красавец? Разорвем бездорожье в клочья? – я ухмыльнулся дерзкой мысли и занял место за рулем новенького GLC. О да, он ждал меня. И он будет рад нашим ухабам вместо асфальта. А я – долгожданной встрече с женой.

С яростным ревом мы вылетели со склада.

* * *

В очередной раз убедился, что митинги – абсолютно бесполезная вещь. Ну что мешало тем людям дойти до окраины и рвануть за город? Ну, как тогда, в 2020-м, на дачу пожарить шашлычки во время пандемии. Я даже пустил скупую слезу по тем летним пробкам протяженностью в “полтрассы”, когда все работяги, дождавшись окончания рабочей

недели, срывались с офисов в безудержное веселье под названием “стояние на трассе Екб-Пермь”.

Но это, понятное дело, лирика. Куда важнее то, что за городом асфальт оставался в целости и сохранности. Я несся под двести, внутренне ликуюя, что службу ДПС упразднили вместе с дорогами, а встроенный навигатор указывал путь с точностью до метра.

И когда через полчаса женский голос оповестил, что я на месте назначения, я был готов рвать на себе волосы, но это было не то! Это место было входом в густой лес.

– Ну, по крайней мере, у меня есть машина, и я могу поехать куда угодно. Дороги, правда, не везде есть, но это не беда, у меня же внедорожник, а остальное... ерунда. Ерунда, – перебирая пальцами по влажном рулю, я принялся себя уговаривать.

– Вы прибыли на место назначения, – повторил навигатор.

– Нет, не ерунда! – воскликнул я. – Я должен найти эту стену, черт возьми!

– Проложить новый маршрут? – спросил навигатор.

– Да, – пробормотал я. – Да! Ну, конечно!

Я вышел в меню навигатора и вбил координаты красной точки вручную. Как и следовало ожидать, туда было не проехать. Ни одной дороги, ни одного указателя в том районе я не нашел, но... навигатор построил путь пешком.

– Время в пути – тридцать девять часов восемнадцать минут, – он объявил радостно, и я сполз в кресле: свидание при-

дется перенести, как бы мне ни хотелось встретиться с любимой сегодня.

– Прости меня, – я выдохнул, – я приду к тебе, только жди... ладно?

Вдруг одернув себя, я замолчал: не хватало мне, чтобы я начал с собой разговаривать! Хотя это и не мудрено, учитывая, сколько людей осталось в городе. А здесь и подавно никого не обитало.

Но зато здесь был лес. Сосны и ели, погибшие в черте города, выжили снаружи.

– Интересно, – я пробормотал и вышел из машины. От хлопка дверцы с деревьев сорвались птицы и улетели куда-то ввысь. А после я услышал чириканье.

– Да ладно? Животные? Здесь? – не веря своим глазам и ушам, я поднял стекло скафандра и неглубоко вдохнул, ожидая приступ удушья. Но вместо этого по телу разлилась приятная прохлада, будто от глотка воды в жару. И деревья ласково зашелестели кронами. Ветер подхватил листья и закружил по едва заметной тропинке. Кажется, мне туда.

Недолго думая, я достал с заднего сиденья рюкзак и взгромоздил его на плечи. Снимать скафандр я еще не решался, но наличие воздуха здесь меня радовало крайне! На всякий случай глянув по сторонам, убедившись, что я один и вокруг густой лес, я шагнул на тропинку. Другой здесь не наблюдалось и, значит, мой путь вдруг стал ясен как никогда прежде. Я дойду до этой “лаборатории”, все узнаю и вернуть к моей

Оле. Ведь мы так и не успели попрощаться.

* * *

На утро следующего дня я все же снял скафандр. Здесь и в самом деле был свежий воздух, пели птички, и иногда даже я замечал белок на ветвях деревьев.

Шел по карте, насколько мог ориентироваться, конечно. Вспомнил время, когда мы жили без гаджетов. Хорошо!

Людей по-прежнему не встречалось, зато лес преображался с каждым шагом. Тропинка так же виднелась среди полотно хвойных иголок, но местами сужалась, а где-то и вовсе пропадала на время. Но все же появлялась, и я вновь видел цель.

Вообще, эта тропинка придавала уверенности: все же она куда-то ведет. И если рядом нет никакого населенного пункта, дороги, людей или любых проявлений их пребывания, значит, дальше все же есть какой-то пункт назначения. И да, я до сих пор надеялся, что увижу лабораторию. И что она будет выглядеть как обычное неприметное здание с выцветшей вывеской, а не как пустая мерцающая стена.

Погода стояла теплая, временами сквозь листву пробивалось солнце, и я вспоминал детство. То время, когда мы радовались зелени листьев и утренней ягоде, скрытой в тени деревьев. Когда спешили к столу в ожидании сладкого, когда гоняли мяч с дворовыми ребятами, а не на экране телефона. Возможно, стоило бы вернуть это время?

Нет, я не мог. Я должен был спасти Олю. И только поэтому шел вперед. Однако кое-что все же заставило меня остановиться.

Ближе к полудню между деревьев я увидел тень. Она перемещалась между стволами так легко, что я принял ее за птицу, но вдруг...

– Привет! Я тебя помню. Ты как здесь оказался?

– Привет? – я закрутил головой, оборачиваясь по сторонам, пока наконец не увидел ребенка прямо перед собой. Ту самую девчушку, что встретила меня зимой, пока я ждал Зорина. – Ты как здесь очутилась?

Я присел. Девочка смотрела на меня большими глазами и будто бы изучала. В ее волосы были вплетены два больших банта.

– Я здесь живу. А ты?

– Здесь? А как же тот двор зимой, помнишь? Разве не там твой дом?

– Это старый дом, а здесь – новый. И папа всегда рядом.

– Папа? Григорий? – я не скрыл удивления, вновь заозиравшись по сторонам. Но на этот раз меня встретила палка прямо под шеей, а над ней возвышался мужчина крепкого телосложения. И что-то мне подсказывало, что это и был ее отец.

– Откуда знаешь мое имя? – он заговорил глухо и ткнул концом палки мою ключицу. Я поднял руки:

– Эй, мужик, ты чего? Я без оружия и не представляю ни-

какой угрозы.

– Этого я не знаю. Поднимайся. Без резких движений, – он отошел на шаг, но палку не опустил. Я отряхнулся:

– Я работаю в компании “ПИВ-КО”, и наш босс крайне заинтересован в тебе. Я приходил к вашему дому на протяжении полугода, но ни разу не встретил тебя. А вы, значит, перебрались подальше?

– Так надо, – буркнул Григорий. – Зачем я нужен вашей компании?

– Начальству виднее, конечно, но, полагаю, чтобы помочь переписать прошлое. Где-то на окраине этого леса должна быть лаборатория. Ты что-то знаешь об этом?

Он не ответил, но палку вдруг убрал. Ну, точно, чувак в курсе. И это пугало и успокаивало одновременно.

– Как ты добрался сюда? – вместо ответа Григорий сам задал вопрос, и мне оставалось только честно ответить:

– На машине. Оказалось, что трассы почти не тронуты.

Григорий кивнул, глянул на девочку, и та спросила:

– Пойдем к нам гости?

Оказалось, Григорий с дочерью живут в лесу уже более, чем полгода – с тех пор, когда мужчину сократили на ГРЭС. Его жена осталась в городе из-за работы. И сейчас я находился в их маленькой хижине чуть в стороне от лесной тропы.

– Значит, слухи о лаборатории “ПИВ-КО” – это правда? – Григорий протянул, слегка понизив голос. Алиса – его дочь –

скрылась в своей комнате и не показывалась, и я решил, что могу говорить начистоту. В конце концов, он не прогнал меня и не признал сумасшедшим, услышав про лабораторию.

– Полагаю, что да. Меня отправило начальство, но до сих пор не уверен, что правильно иду. И что вообще приду куда-то.

– Местные говорят про эту лабораторию уже лет сто. Мол, совсем рядом, надо бы добраться, посмотреть, но никто не решается.

– Местные? Здесь есть люди? И воздух? Как они уживаются без скафандров?

Григорий усмехнулся:

– Пиво будешь? Жарко сегодня.

– Буду, – вдруг я почувствовал, что в горле все пересохло. Я будто бы уже вернулся в прошлое. – Не пил его лет сто...

– А сейчас который год, по-твоему? – он улыбнулся, легко снимая крышки. Раздалось приятное “пш-ш”. Я понял, что не знаю, который год, хотя на мониторе Сереги точно видел дату. Текущую дату. Отшутился:

– Год 2019-й, не позднее.

– Пусть будет 2019-й, – он протянул мне бутылку. – Ну, за знакомство?

– За знакомство...

Я нерешительно отпил. Все-таки это очень странно. Классно, конечно, но странно. Этакий островок жизни среди хаоса. Мятежники, небось? А вдруг война какая идет, а я и

не в курсе? Я же из офиса ни шагу...

– Ну, я пойду, пожалуй, – я поднялся. – Спасибо за гостеприимство, Григорий, но мне пора. Работа ждет, да и вернуться бы поскорей хотелось. Ты как? Не надумал к нам?

– Я тебя провожу. Алиса! Идем гулять!

– Ура-ура! Мое любимое! – девочка показалась в проходе. – Можно взять фотоаппарат? Можно? Можно? – она прильнула к мужчине и принялась ластиться, как кошка, а, получив разрешение, умчалась вприпрыжку, оставив нараспашку двери.

– Вот что для счастья ребенку надо? – Григорий развел руками и усмехнулся. Я натянул улыбку. Чем дальше, тем становилось страннее. Фотоаппарат? Серьезно?

– Увлекаетесь фотографией? – когда мы снова оказались в лесу, я все-таки решил спросить.

– Что?

– Ну, ваша дочь попросила фотоаппарат, я и подумал, что возможно...

– Ах, это? Не берите в голову. Обычный пленочный.

– Пленочный? – я не скрыл удивления. – Ребенок радуется пленочному фотоаппарату и прогулке на природе?

– Превосходно, не правда ли? – Григорий прибавил шаг, и я поспешил следом.

– Так почему вы переехали, ты говоришь? – я крикнул ему в спину, поняв, что тот отдалается намеренно. Все-таки он оказался крепким спортсменом и шагал гораздо быстрее. Я

запыхался.

– А есть разница? – все же Зорин остановился и уставился на меня. – Тебе какое дело?

– Просто любопытно. Почему-то мой босс настойчиво искал тебя, типа ты такой спец. А ты спокойненько слинял за город и живешь припеваючи. Без телефона, вездехода и скафандра, но зато с пленочным фотоаппаратом! А? Как это?

– Есть вещи поважнее вашей работы, Иван. Будь то 2020-й год, 2000-й или 2200-й. Мне, как ведущему инженеру ГРЭС, было крайне сложно это признавать, но пандемия сама определила ценности.

Я поравнялся с ним и теперь безо всякого стеснения заглядывал ему в лицо. Но тот и не прятался. Изредка поглядывал в редколесье, где, заливаясь звонким смехом, резвилась его дочь.

– Алиса родилась в 2020-ом, – он понизил голос. – Но у ее матери была... непростая беременность. У девочки врожденный порок сердца, и... в общем, – он вновь глянул на девочку, и она помахала ему, – ей дышать больше надо. И жить. А в городе нет ни воздуха, ни жизни. Вот так как-то.

– Это очень благородно, – я только и смог сказать. Понятно же, что это решение далось их семье не на “раз-два”. – А где твоя жена?

– Ей нельзя покидать город. Она работает в больнице, и там нужен постоянный контроль. Даже в выходной день ее могут вызвать, и нужно появиться по максимуму оператив-

но. Ну, ты знаешь...

– Знаю, да, – я замолчал. Интересно, когда Оле нужна была помощь, у медиков была такая же установка? Ах, да, в те времена были пробки...

– Ладно, идем, – он похлопал меня по плечу. – Все лучше, чем дома сидеть.

Под вечер мы развели костер и устроились на ночлег. Для Алисы это было настоящим приключением: она так и свети-лась. Гриша улыбался тоже.

– А сейчас бы пошел к нам в компанию на постоянку? – разговор как-то не клеился, и я решил спросить без лишних прелюдий. – Босс расширяться хочет, ему нужны толковые люди.

– При других обстоятельствах бы пошел, – он кивнул, – если бы ты застал меня дома. А так... у меня дочь, Вань. Пусть хоть она увидит нормальную жизнь. Подышит свежим воздухом, пообщается с местными ребятами. Нам хорошо здесь, и она чувствует себя лучше. Болезнь, как будто бы уходит, когда мы за городом.

– А когда вы рядом со стеной? Ты не думал вернуться?

– Вернуться? – он хохотнул. – И что бы это изменило? Я учу дочь наслаждаться жизнью здесь и сейчас, ценить то, что имеем, и стараться улучшить. А что было – то прошло. И что бы ты не менял, по итогу получишь то же...

– Почему же? – я выпрямился. – А для чего тогда вся эта затея с возвратом в прошлое? С “перезаписью”, как говорят

у нас в конторе. Жизнь циклична, и мы можем внести коррективу в старый цикл, чтобы изменить следующий.

– А как же твоя личная судьба? Твой исход определен, твоя роль написана, ты можешь следовать ей, а можешь писать свою, но за исход только твоя ответственность.

– Нет, не только моя, Гриша! Не только! – я воскликнул. – Мне нужно вернуться в 2020-й, понимаешь? Мне нужно исправить лишь одну деталь и, возможно, мы не прятались бы по лесам, чтобы надыхаться, гоняли бы по ровным дорогам, получали штрафы за превышение и опаздывали на работу! Как раньше! И не было бы таких жертв пандемии, как мы с тобой.

– Жертвы и похуже бывают, – Григорий хмыкнул и заглянул в палатку. Алиса давно притихла и, убедившись, что ребенок спит, мужчина вернулся к костру. – Так что ты хочешь поменять-то, говоришь?

Я не хотел отвечать. Он не поймет, обсмеет или начнет занудство. Так делали все, кому я хотя бы частично доверял часть своего плана. Понял только Серега, и вот я здесь, где-то на подступах к секретной лаборатории. Так какая разница, что скажет бывший инженер неработающей электростанции?

– Мне жену вернуть надо. Она беременная была, умерла в 2020-ом. Да что я говорю? Миллионы умерли, а я тут со своим горем, – я опустил голову и накрыл ладонями, замолчал. А потом вспыхнул:

– Две косы белые по пояс, глаза голубые, как небо, родинка... вот здесь, – я указал на скулу. – Из-за нее я в звукозапись пошел, говорила все, что у меня вкус есть, слух... ну, знаешь там, стиль музыкальный чувствую, в ритм попадаю: ересь, короче. Не помогло, – я достал из Гришиного рюкзака еще одну бутылку, отпил. Он слушал. – В тот день у меня заказ был, а она на работу поехала... одна. Именно тогда, понимаешь? Уже удаленка три месяца была, а тут... вызвали, как специально! Бумажки подписать или еще что...

Я как сейчас помнил ее стеклянные глаза, побледневшие губы. Она не могла! Не могла меня покинуть, она носила нашего ребенка, и все, что произошло, просто не укладывалось в голове. До сих пор. Но теперь у меня была возможность все исправить.

– Короче, я дойду до этой дурацкой стены и перезапущу этот год, что бы за ней ни находилось. И никто по сей день не будет знать, что такое ковид.

– Что ты хочешь изменить? – Григорий спросил тихо, а я уже наматывал круги возле костра:

– Я сотню раз думал об этом, я представлял в красках, что буду делать. И только одно средство мне приходит на ум: партизанская война.

– Что? Партизанская война с болезнью? – Григорий хохотнул, но я говорил серьезно:

– С информацией. Если бы мы не знали о нем, если бы не просочилось столько сведений о вирусе, его последстви-

ях... скорая приехала бы к Оле, а не к очередному пациенту с ковидом.

– А как же те, кто умер? Погибли реальные люди, Иван! И погибли от реальной болезни...

– Откуда нам это знать? Откуда уверенность, что вирус существует? Я знаю лишь одно: если бы мою жену доставили в ближайший медпункт, а не в соседний город, то у нее был бы шанс, а так... прошло слишком много времени с момента аварии. Она не справилась.

– Я не знаю, прав ли ты, но если тебе удастся вернуться, ты уже победишь, – он похлопал меня по плечу. – Уже поздно, так что... спокойной ночи. Завтра предстоит долгий путь.

Я кивнул Грише, и он скрылся в палатке. Я остался дежурить у костра.

* * *

Сон не приходил. Что, если это все – навязчивые мысли? Если Гриша прав, и исход один, что бы мы не меняли в процессе? Пусть не будет ковида, пусть не будет информации, но люди, получается, все равно погибнут?

Я видел много таких фильмов. Если есть судьба, то ты ее не изменишь, сколько бы раз ты ни нажимал на REC., пленка закончится все равно. Да, но будет ли печальной финальная песня?

– Я перезапишу эту пленку, – процедил сквозь зубы, подкидывая дровишек в костер и укладываясь на покрывале ря-

дом. – Завтра все изменится.

Утро встретило нас теплыми лучами: все-таки лето в этот раз радовало, и я поддался его безмятежному влиянию. Алиса вновь была свежа и весела, фотографируя каждый листочек на дереве. Я тоже засветился на пленке. Блин, сто лет уже не видел такую древность! Все-таки Григорий дал девочке главное – прочувствовать жизнь. И он не хотел вернуться... кажется.

– Гриша? – Я вдруг обратился к нему. Мы шагали все по той же тропинке, приятное щебетание птиц и лесная свежесть располагали к непринужденной беседе. – А ты сам... не хотел бы все вернуть? Изменить 2020-й, дать Алисе возможность... родиться заново?

Он улыбнулся. Беззастенчиво так, во все свои тридцать два и лишь покачал головой:

– Я думал про это часто, когда узнал про эту вашу лабораторию, но... ты знаешь, я бы ничего не смог исправить. И уничтожение информации, как ты предлагаешь, в моем случае не поможет.

– Можно уехать... в города, где экология почище, например.

Вместо ответа он промолчал и не проронил ни слова до самой лаборатории.

Да, мы дошли. И я увидел стену с монитора босса воочию. Лес внезапно закончился, а за ним – длинная, как горизонт, но такая близкая, как трава у дома – мерцающая стена.

За ней могло находиться что угодно, но Серега утверждал, что внутри лаборатория, и у меня, в принципе, не находилось оснований, чтобы ему не верить. Одним лишь шагом я мог изменить все, что пожелаю. Я уже дошел.

Григорий легонько пихнул меня в плечо, и мои губы растянулись в улыбке. Все-таки, передо мной была цель, а ноги почему-то дрожали.

– С ума сойти, – только и смог вымолвить. Ветер сорвал слова и унес обратно в чашу. Стало тихо.

– Ну, поздравляю тебя, – Зорин протянул руку, и я ее пожал. – Ты справился.

– Спасибо. Может, все-таки присоединишься? – я сделал шаг в сторону стены, но повернулся к мужчине лицом. Алиса крутилась возле него, изредка выглядывая из-за спины, будто боялась выйти и посмотреть поближе. Да я и сам, если честно, малость дрейфил.

– Это исключено, – он улыбнулся. – Если я и надумаю нырнуть в эту пучину, то смогу это сделать лишь спустя сто лет: нам с тобой нужен один и тот же год. Ходят слухи, что нужно ждать целый век, чтобы оказаться там же. Так что... это твое право.

– Стой-стой-стой, – я попятился, – то есть ты хочешь сказать, что из-за меня отказываешься? Ты все знал раньше?

– Нет, Иван, слушай...

– Папа, почему мы не идем? – Алиса дернула его за штанину. – Я тоже хочу за эту стену! Я хочу родиться здоровой,

папа!

– Ох, родная моя, – он поцеловал ее в макушку, – если было бы все просто...

– И я не хочу ждать сто лет, папа! – она начала хныкать. За весь путь девочка была до неприличия прилежной, а теперь словно с цепи сорвалась.

– Пожалуй, стоило поговорить с ребенком раньше, – я упомянул как бы невзначай, задрав голову к небу. На нем ничего не отражалось: ни Луны, ни звезд, ни судеб. Только свечение от стены пронзало ночной воздух прозрачной дымкой.

– Алиса, – Гриша присел и хотел поднять дочь на руки, но та вырвалась. А через мгновение сиганула к стене. А еще через мгновение я понял, что теряю последнюю надежду. И полетел вперед.

Неподвижным остался только Гриша. Думаю, он болел за обоих: все-таки он сделал все, чтобы его дочь была счастливой в таких непростых условиях, а я... просто хотел вернуться, и он, кажется, понимал меня.

Понятно, что я обогнал девчонку через два шага, за спиной стало доноситься отчаянное топанье и сбивчивое дыхание ребенка, но я не мог уступить. Это – мое право! А у Алисы есть родитель, который несет за нее ответственность. Из нас двоих право прохода было только у меня.

Я коснулся стены, и приятный холод пронзил мое тело. Пульсирующая вибрация укрыла меня с головы до ног, и я

шагнул внутрь. И на моем месте вы бы сделали точно так же.

* * *

Мне пришлось все рассказать. О том, как я очутился здесь, для чего, кто я такой. Человек передо мной потребовал объяснений. Он сидел за столом напротив, и его лицо скрывал капюшон. Пока я говорил, он не проронил ни слова. Но вот десять минут, как я закончил рассказ, а он все молчал. Я робко повторил:

– На моем месте вы поступили бы так же...

– Я был на твоём месте, Иван. И не осуждаю тебя, это твой выбор. Алиса могла бы вырасти здоровой девочкой, а может быть, и не могла, мы не знаем. Мы можем лишь переписать пленку, так? Финал наступит, так или иначе.

Фигура заговорила, и мне стало немного спокойнее. Но, если честно, напряжение никуда не пропало. Что, если здесь нужно платить? По-любому же есть какая-то пошлина, хотя с другой стороны, я же работник “ПИВ-КО”, у меня должны быть льготы, или...

– Как тебе снаружи, Иван?

– Неплохо, но я так и не понял, что это...

Мы находились в сером здании с выцветшей вывеской “ПИВ-КО”, и, когда заходил сюда, я даже успел немного выдохнуть: все-таки я сам хотел, чтобы лаборатория выглядела именно так, но вот снаружи...

Там гулял карнавал: тысячи маскарадных костюмов, пес-

ни, танцы, фокусы – все вокруг смешалось в один большой балаган. Мерцающей стены при этом здесь видно не было. Что ж, обратного пути нет – уже неплохо. Значит, я точно смогу попробовать.

– Эксперименты, конечно же! – человек воскликнул. Но мне это было неважно:

– Мне нужна лаборатория! Пропусти меня.

– Мы сейчас в ней. Ты еще не понял?

– Где установка? Лаборанты? Где реактивы? Как я должен понять, что нахожусь там, где должен? Я собственноручно набирал сюда людей! А вы вообще кто такой?

Человек залился смехом. Не скрывая своего отношения ко мне и происходящему, он просто начал неприкрыто хохотать, будто я тысячу лет его знаю, а это просто розыгрыш какой-то.

– Ну, Ванек, ты чего? Не признал меня? – человек скинул капюшон, и я тупо уставился на... своего босса. Серега явно был горд собой: грудь вперед, волосы назад, весь такой крутой. Но что он здесь делает? И к чему весь этот цирк с рассказом?

– Че за хрень, Серый? Ты как здесь оказался? Не мог меня с собой захватить, когда отправлял?

– Пардон, дружище, но таковы правила: каждый сам проходит этот путь. И я проходил такой же.

– Чего? Не понял...

– Я и вижу, – он хмыкнул и бесцеремонно взгромоздил

ноги на стол. Прямо как у нас в офисе. Ну-ну, уже освоился, я смотрю.

Минуту помолчали. Я тупо пялился на босса и пытался сложить два плюс два. Но логика никак не улавливалась. Получалось, что я пришел сюда по указу босса, который в тот же день взял и приехал сюда на вездеходе. Или нет?

– Ладно, Ванек. Я не стану тебя томить. Ты и так уже слишком задержался здесь. По крайней мере, я наконец понял, почему, – он взял в руки пульт, и жалюзи на окне вдруг поползли вверх. Я подскочил на месте. – Вот твоя Оля.

В два шага я приблизился и прикинул к стеклу. Господи... она живая! Он смотрит прямо и улыбается мне, в косы вплетены красные ленты, и зеленый лужок за ее спиной манил свежестью. Стоп. А где маскарад?

– Это картинка? Иллюзия? Что? – я повернулся к боссу, но он покачал головой:

– Это твое будущее. Прошлого нельзя изменить, как бы ты ни старался – это истина, мой друг. Но будущее полностью в твоих руках. История циклична, помнишь?

– Ты издеваешься? – я воскликнул. – О каком будущем ты говоришь? Оля неживая!

– А ты?

Я замер. Слова и всякий гнев застряли в горле. Что за бред? Он должен был сейчас заржать и похлопать меня по плечу, поздравляя с завершением розыгрыша, но Серега лишь выжидающе гладел на меня и... похоже, ждал ответа.

– Сволочь ты, Серега, – я буркнул и рухнул на диван рядом с окном. Свечение при этом не пропало. – Это жестоко.

– Жизнь – жестокая штука, дружище. Она не пощадила ни тебя, ни меня, ни Олю. И вот мы все здесь. И ты шел сюда слишком долго, но наконец и ты с нами. Мы можем, наконец, запустить новый цикл жизни.

– Боже... что происходит? – я схватился за голову и демонстративно уставился в потолок. Мой мозг отказывался принимать происходящее.

– Хорошо, – вдруг он легко согласился. – Что ты помнишь? Что было после аварии? Сколько прошло времени? Ты знаешь?

Я промолчал. Кроме одержимости идеей перезаписи я не помнил ничего. И счет времени я потерял тоже. Оля ушла и забрала с собой всю мою жизнь.

– Прости, Ванек, но ты погиб гораздо раньше. В 2019-ом. Мы с тобой были в одной машине, когда в нас влетел грузовик, так что... сорян за скверные новости, но это правда.

– Что за бред ты несешь? А как же “ПИВ-КО”? Все эти люди? Идеи, в конце концов! Целый мир! Мир менялся вокруг нас, пандемия унесла множество жизней, мы были свидетелями этого, Оля стала жертвой этого! Но мы приспособились... как мне казалось.

– Ох, Ванек, как все запущено, – он усмехнулся. – “ПИВ-КО” – это твоя идея, чувак. Ты не смог смириться с собственной смертью, что уж говорить про Олину? Она прожила без

тебя почти год, она должна была родить тебе прекрасного ребенка, но ты постоянно ходил за ней по пятам! Ты не смог отпустить ее в мире живых, и она согласилась остаться с тобой в мире мертвых. Не специально, конечно, но так получилось. Она выбрала тебя, а тебя здесь не оказалось! Ты понимаешь, как это нечестно с твоей стороны? Зачем столько усложнений?

– Стоп-стоп-стоп, Серега. Я что, умер?

Он ржал еще минут пятнадцать, наверное. Мне было плевать. Я чувствовал только злость, которая разгоралась во мне с каждым мгновением. Меня обманули! Надули! Обвели вокруг пальца! Все это время я был не там, где надо?

– Ты тоже мертв? – я рявкнул, и Серега кивнул, немного успокаиваясь.

– Но я принял это гораздо раньше! И даже стал твоим боссом, чтобы подыграть в твоей игре в сопротивление.

– “ПИВ-КО”? Это – сопротивление смерти? Так, получается? А люди, которые в ней трудились? Все было реальным! Я раздавал хреновы листовки! Я искал для тебя этого несчастного Зорина! И нашел! Все было реальным!

– Все было реальным, да, – Серега улыбнулся. – Только неживым. Ты сам придумал свой мир, населил его людьми, снабдил правилами. И откуда столько злости? Зачем скафандры-то?

– Так что же, это я во всем виноват? – я вскочил. – Я хотел лишь приспособиться к новой реальности! Я жил.. по-

настоящему!

– Ты уверен? – Серега открыл второе окно. – Посмотри же, вот она – настоящая жизнь. В ней не было тебя более пяти лет...

– Я уже ничему не удивлялся. За окном кипела жизнь. Пробки, толпы людей на дорогах (в шортах и футболках, однако!), телефонные разговоры, шум из уличных динамиков, рекламные лозунги... и это все сейчас?

– А ты тогда... кто? – я спросил тихо. В лицо ударил ветер, смешанный с грязными выхлопами. Грузовик дал “газу”, я поморщился. Отвык, походу...

– Я лишь проводник, дружище. К будущему, – он закинул ногу на ногу. – Но я не всегда им был. К счастью. Я здесь лишь для того, чтобы забрать тебя в мир мертвых и уйти на покой.

– А Зорин? А его дочь? Да все люди нашего офиса? Кандидаты, Петрович, в конце концов! Они тоже мертвые, которые “зависли” в междумирье?

– Абсолютно верно, – Серега кивнул. – Но они не задерживаются там надолго, в отличие от некоторых, – он недвусмысленно глянул на меня. – Однако, не ты один такой. Григорий и Алиса давно балансируют между жизнью и смертью. Григорий не вылезает из больниц – он ее донор, но кажется, малость не переносит вида крови. Девочка борется со смертью всю свою жизнь. Ах, ты же знаешь...

– Да, я... знаю. Но если я зашел сюда, то, значит, она...

осталась в мире живых?

Сергеа закрыл глаза, сделал глубокий вдох, а потом по его лицу расплылась улыбка:

– Они справились. Девчонке еще рановато сюда. Кстати, благодаря тебе.

Он подмигнул, и я подошел к Оле. Она не видела меня. Возможно, так же не могла отпустить это междумирье и уйти в вечность, чтобы начать писать новый виток жизни. Ждала меня...

Она не была беременна, но была так же красива, как при жизни. Если я и вправду умер и даже не понял этого, то не случайно.

– Я готов, – неожиданно я согласился. – Можешь выбросить старую кассету, Серег. Мы запишем новую пленку.

– Может уже перейдем на носители посовременнее, шарманщик? – Серега усмехнулся, но подошел к нам. Я улыбнулся. В конце концов, я к этому шел, и все оказалось не зря. И девочка Алиса выжила благодаря мне. Я вполне мог гордиться собой.

– Прежде чем ты уйдешь, Ванек, – он встал напротив и заглянул мне в глаза. Наверное никогда прежде я не видел Серегу таким серьезным. – Я неспроста свел тебя с Зориным. Его жена... оперировала Олю, но было слишком поздно... сожалею, друг. Однако, ты не спросил про ребенка, – он выдержал паузу. Я был спокоен. – По иронии судьбы Зорины не могли завести детей, а новорожденная девочка Алиса оста-

лась сиротой после аварии. Короче, Ванек, твоя дочь жива, и теперь ее жизни ничего не угрожает. Благодаря твоему эгоизму, как бы странно это ни звучало, – он развел руками, а я застыл, разинув рот.

– Она... живая?

– Получается так, – Серега усмехнулся. – Так что я рад за тебя, моя миссия наконец выполнена, и я поспешу последовать за тобой, коль не возражаешь.

– Спасибо, – вдруг я ощутил, что краснею. Серега сделал для меня гораздо больше, чем мог. Даже после смерти. Черт, это просто невообразимо! Хотя...

– Погодика-ка, – я выдохнул и отошел на шаг. – Мы забыли одну вещичку. Пожалуй, в такой момент не хватает лишь музыки.

На самом углу стола уныло собирал пыль старый магнитофон – точь-в-точь такой же, что стоял у нас в квартире. И почему-то я был уверен, что он ждал именно нас.

И Серега подтвердил:

– Возьми чистую, – он протянул мне новую кассету, с белой этикеткой. – Запишем как надо с первого раза.

Я подмигнул и смело шагнул в окно, где ждала меня Оля. Новая запись пошла.